
УДК 101.1 : 316

К. Г. Мальцев, Л. Л. Ломако

**Кризис государства-нации
как проблема социально-политической философии**

Представители различных направлений современной социально-политической философии согласны в констатации кризиса современного государства-нации. Фактический отказ от концепта государственного суверенитета предполагает актуализацию вопроса о перераспределении основных относящихся к нему функций. Центральной проблемой является «разрыв» между правом принятия решений и ответственностью или, что то же, между легитимацией политической власти и практикой принятия политических решений. Функции и ценности, традиционно приписываемые новоевропейскому суверенному государству-нации, не утратили своей полезности и значения в «ситуации постмодерна». Кризис теории государства и практики представительной демократии предполагает необходимость теоретических поисков в разных направлениях, которые удобно объединить под общим названием «оправдание государства». Целью исследования является анализ основных способов «оправдания государства-нации» в современной социально-политической философии. Особое внимание в статье уделено концепции Ф. Р. Анкерсмита о необходимости суверенного государства в условиях «пост-современности». Анкерсмит указывает на основные противоречия современного государства-нации. Во-первых, это неясность в отношениях между гражданами и государством. Во-вторых, это углубившееся различие между государством и обществом, имеющее следствием замену политической власти «микро-властью» институтов управления. В-третьих, «сетевая форма» глобальной власти разрывает связь между решением и ответственностью (управленческие решения на глобальном уровне – безответственны в политическом отношении; при этом исчезает одна из основных регулятивных идей демократии – идея «общего блага»). Анкерсмит выявляет неспособность господствующей европейской политической мысли решать основные проблемы современной демократии и предлагает отказаться от нее в пользу «макиавеллистской» политической философии.

Representatives of various areas of modern socio-political philosophy agree on the crisis of the modern nation-state. The actual rejection of the concept of state sovereignty involves updating the issue of the redistribution of the main functions related to it. The central problem is the “gap” between decision-making power and responsibility, or, equivalently, between the legitimization of political power and the practice of political decision-making. The functions and values – traditionally attributed to the new European sovereign state-nation have not lost their usefulness and significance in the “postmodern situation”. The crisis of the theory of the state and the practice of representative democracy implies the need for theoretical searches in different directions, which are conveniently combined under the general name “justification of the state”.

The aim of the study is to analyze the main ways of “justifying the state-nation” in modern socio-political philosophy. Particular attention is paid to the F. R. Ankersmith's concept on the need for a sovereign state in the conditions of “post-modernity”. Ankersmith points to the main contradictions of the modern nation-state. Firstly, this is an ambiguity in relations between citizens and the state. Secondly, this is a deepened distinction between the state and society, resulting in the replacement of political power by the “micro-power” of management institutions. Thirdly, the “network form” of global power breaks the connection between decision and responsibility (management decisions at the global level are politically irresponsible; at the same time, one of the basic regulatory ideas of democracy – the idea of – the “common good” disappears). Ankersmith reveals the inability of the prevailing European political thought to solve the main problems of modern democracy and suggests abandoning it in favor of the “Machiavellian” political philosophy.

Ключевые слова: власть, государство-нация, демократия, институты управления, сетевые формы глобального управления, социально-политическая философия.

Key words: power, nation-state, democracy, management institutions, network forms of global governance, socio-political philosophy.

Государство-нация находится в глубоком кризисе или даже «отмирает» – это одна из немногих констатаций, с которой согласны практически все представители современной социально-политической философии, к какой бы школе, традиции, направлению они ни принадлежали. При этом, как правило, указывается на две основные группы обстоятельств/причин «отмирания». Во-первых, государство утратило (фактически) монополию на легитимное насилие, причем «факт» все больше признается не только на уровне идеологии, но и постепенно получает правовое признание; политическое пространство больше не организуется как совокупность государств-наций, но – как «глобальное пространство» (или как-то еще – на этот счет существуют разные мнения [10]). Во-вторых, государство-нация утратило (или стремительно утрачивает) основное свое «оправдание»: «обмен» свободы на защиту (Т. Гоббс [9]); то, что называется общественным договором, больше не действительно и именно потому, что защиту (ни в каком смысле) государство больше гарантировать не может.

Наконец, все более сомнительными становятся концепты «нации», «народа», относительно которых высказываются, что они больше не репрезентируют существующие реальности. Но не это главное: безраздельно господствующая идеология враждебна этим концептам, а «реальность», как давно известно, безгранично «податлива» и организуется посредством понятий, которые теперь совсем другие.

Тем не менее, некоторые исследователи все еще находят аргументы в пользу сохранения национального государства (разумеется, посредством фактического отказа от суверенитета как его дифференциального признака), обнаруживая, что «ответственность» (в отличие от «прав», «власти», «силы», «выгод») в по-новому организованном политическом пространстве приписать просто некому. Возникает странное образование, не-суверенное государство, лишенное монополии политического насилия, но ответственное за последствия, вызванные действиями «других», на решение которых оно повлиять не может (впрочем, ничего неожиданного здесь и нет: в области организации экономики эта «схема» давно и вполне успешно действует: прибыль получают одни, а убытки и издержки распределяются совсем на других).

Социально-философский анализ на понятийном уровне (в отличие, например, от политологического), позволяет выявить некоторые парадоксальные следствия описанного положения и продемонстрировать иногда очень прихотливые повороты современного дискурса о государстве-нации в новых условиях.

Среди тех авторов, которое все-таки полагают необходимым сохранение государства-нации, выделяется Ф. Р. Анкерсмит [4]. Он декларирует в качестве цели своей политической философии «оправдание» государства «ради демократии»; мы полагаем его подход вполне репрезентативным среди имеющихся подобных проектов, выгодно отличающимся проработкой деталей и широтой философского горизонта рассмотрения ситуации.

Причинами современного кризиса суверенного государства-нации Анкерсмит считает: во-первых, размывание границ между гражданским обществом и государством (в плане социальной философии: между «социальным» и «политическим»); во-вторых, снятие ранее определяющей границы между гражданином и государством; в-третьих, экономическую глобализацию, политические последствия которой предполагают, что значимые решения принимаются на наднациональном уровне и не могут эффективно контролироваться на уровне национального государства: сеть (способ организации глобального порядка; в своем понимании сетевой структуры глобального порядка Анкерсмит ссылается, прежде всего, на Д. Гуэнно [1]) не предполагает существования «суверенных центров».

Основополагающее значение имеет смещение в интерпретации (и практике) политической репрезентации, которая все менее обеспечивает самостоятельность «политического» относительно индивида и гражданского общества. Политическая репрезентация есть главный

механизм как современного демократического суверенного государства-нации, так и любого государства как политической формы. Принципиальным является вопрос о том, является ли целью этого механизма установление и поддержание названной «границы» или же, напротив, ее постепенное «снятие». Анкерсмит утверждает, что по крайней мере последние 200 лет господствовало именно второе из названных понимание цели политической репрезентации, что, в конечном счете, и является причиной наблюдаемого кризиса. Все основные традиции западной социально-политической философии: либеральная (Ролз [16], Дворкин [11]), республиканская (Покок [2]) и коммунитаристская (Макинтайр [14], Тэйлор [3]), – так или иначе сводятся к одной – стоицистской политической философии, в которой полагается *необходимость* опосредований, «снимающих» и нивелирующих границы. Если кратко определить суть стоицистской традиции, по Анкерсмицу, то следует указать на ее принципиально «этическую природу»: есть некий «естественный порядок», выполняющий роль нормы, «регулятивной идеи» в отношении порядка позитивного, наличествующего; политическая философия предназначена определить критерии, по которым соответствие/несоответствие «естественного порядка» «позитивному» может быть оценено, и способы, посредством которых это несоответствие может быть уменьшено.

Главным инструментом здесь выступает то, что Анкерсмит называет «*tertia*», история которых еще только должна быть написана и которая станет весьма поучительной [6, с. 105]. В Новое время самой ранней из таких *tertia* стал концепт естественного права. В наше время «более сложными, нежели все эти *tertia* из прошлого оказываются те, благодаря которым стоицистская политическая теория достигла своего *pes plus ultra*. <...> Я имею в виду деньги и язык» [6, с. 114].

Суть стоицистской позиции описывается Анкерсмитом в смысле тотального сведения к одному основанию, ко всеобщему эквиваленту, всего, что есть как социальное; принципиальная однородность не предполагает политики, но только техническую деятельность управления (здесь есть неявная отсылка к теории М. Вебера о преобразовании современного государства и политики [7]).

Собственно говоря, Анкерсмит в целом повторяет то, на что в свое время указывал еще К. Шмитт [18], когда тот в своей классической теории политической репрезентации заметил, что либеральная идеология и практика есть принципиальное и последовательное нивелирование границы между политикой и экономикой, замена политических решений экономической практикой управления (об этом писал и М. Вебер [8]). Шмитт считает, что «необходимо рассматривать ли-

берализм как последовательную, объемлющую, метафизическую систему» [17, с. 186]. Конечно, «экономический вывод из нее» является не только важнейшим, но и конститутивным в отношении «политического бытия» в целом. Либерализм, как утверждает Шмитт, если не отверг государство как таковое, то и «не обнаружил никакой позитивной теории государства и никакой собственной государственной формы» [19, с. 338].

«Либерализмом последнего столетия все политические представления были своеобразно и систематически изменены и денатурированы, В качестве исторической действительности либерализм столь же мало избег политического, как и любое значительное историческое движение, и даже его нейтрализации и деполитизации, касающиеся образования, хозяйства и т. д., имеют политический смысл» [19, с. 347].

Оставляя вне нашего рассмотрения критику К. Шмитта Ф. Р. Анкерсмитом (и воздерживаясь от оценки мотивов последнего, который, в виду своей принципиальной либеральной приверженности и не мог рассуждать иначе), следует отметить, что, в целом, Анкерсмит полагает необходимым каким-то способом преодолеть деполитизацию (а значит и «спасти» суверенное государство) ради демократии. Единственным способом, который имеется в распоряжении политической философии, он считает возрождение и укрепление «традиции Макиавелли», с самого появления конкурирующей со стоицистской традицией. Основная проблема, собственно, указана еще Шмиттом: он назвал это «нейтрализацией» государства и связал с либеральной идеологией. Анкерсмит предпочитает говорить о «смещениях» и «взаимодействиях», но в любом случае – о «размывании границ»: между гражданином и государством, государством и гражданским обществом, глобальными сетями и национальным государством.

Взаимопроникновение и смешение, размывание границы между государством и обществом ведет к тем же последствиям, что и упразднение государства сетью: устраняется место и возможность принятия политического решения, то есть исключительность частных интересов устраняет возможность общего блага, и государство, растворившееся в обществе, политически бессильно. Что же касается «инклюзивности современного социального государства», его проникновения в «сферу приватного», то здесь мы сталкиваемся с опасностью деспотизма, от которого не гарантирована ни одна современная демократия. Автономия (самостоятельность) индивида есть ценность, не меньшая, чем общее благо [15, с. 55]. Необходимо

не разрушать, но укреплять границу между государством и гражданином (скорее, человеком: гражданин – не весь человек), и это тоже область политики и политического решения.

Исходное (в отношении теории политики) утверждение Анкерсмита может быть определено так: в социальной реальности фундаментальное значение имеет/должна иметь не однородность (ни как данность, ни как идеал, ни как регулятивная идея), но неустранимый разлом (его нельзя пытаться устранить, так как это приведет к бесконечным негативным последствиям). Идея разлома открывает возможность такого понимания политического, понимания государства, легитимности, власти, которые необходимы постсовременности. Идею этого разлома Анкерсмит находит у Макиавелли [13], и утверждает, что только в традиции политической философии, основание которой положено Макиавелли (которая «пунктирно» продолжается до настоящего времени, но значительно менее влиятельна, чем традиция стоицистская), разрешимы сложнейшие проблемы, перед которыми стоит постсовременность (конечно, это так только в том случае, если мы разделяем пафос Анкерсмита относительно необходимости сохранения представительной демократии, сильного маленького государства и либеральной свободы индивида).

Разорванность политической реальности, отсутствие «непрерывности между правителем (или представителем) и его подданным (или представляемым)» [6, с. 12] и необходимость вследствие этого репрезентации как способа создания и удержания политического – смысловой центр политической философии Анкерсмита. Эта философия изначально мыслится как антифундаменталистская (так как отказывается именно от *tertium*, от метафизического по своей природе элемента, на котором «все стоит» и из которого «все выводится», фактически и теоретически). Для такой политической философии:

«Макиавелли оказывается хорошей отправной точкой», в том числе именно потому, что «суть политической мысли Макиавелли кроется в роковой истине, что любой фундамент, на который опирается политик, рано или поздно окажется зыбучим песком. В связи с этим подлинный интерес у Макиавелли вызывает вопрос о том, как заниматься политикой в отсутствии фиксированного и надежного фундамента для политических расчетов» Макиавелли «пришел к репрезентационизму, свойственному всем человеческим взаимодействиям, и в особенности политическим. Наши представления друг о друге, а не какая-то неизменная и прочная интересующая реальность, лежащая в основе и за пределами этих представлений, определяют то, что мы считаем правильным политическим действием» [5, с. 204].

Анкерсмит различает миметическую репрезентацию и эстетическую репрезентацию, теорию которой он, собственно и создает. Согласно миметической позиции:

«репрезентация народа должна отражать представляемый народ насколько возможно точно»; «с точки зрения миметической теории репрезентации тождество представителя и представляемого лица составляет, естественно, идеал всякой политической репрезентации» [6, с. 44].

Анкерсмит причислял к этой позиции и К. Шмитта, очевидно игнорируя, во-первых, то, что реальное тождество и отождествление – совсем не одно и то же (на чем настаивал сам Шмитт); и, во-вторых, что отождествления есть инструмент не шмиттовской, но именно либеральной теории политической репрезентации, к которой сам Шмитт относился с исключительным скепсисом.

Напротив, эстетическая репрезентация утверждает «различие между представителем и представляемым лицом, отсутствие их тождества неизбежны в политической репрезентации, как неизбежно и различие между портретом человека и им самим» [6, с. 44]; «ключевая идея состоит в том, что художественная репрезентация не дает миметического подобия того, что представляется, а замещает его» [6, с. 65].

Между представляемым лицом и представителем «проходит та же разделительная линия, что между реальным миром и миром искусства». Отсутствуют «фиксированные правила, регламентирующие отношения между представителем и представляемым лицом. Если мир раскололся на мир представителя и мир представляемого лица и если нет *tertium comparationis*, общего для них обоих, то такие правила более невозможны». Представитель «обладает автономией по отношению к представляемому лицу» [6, с. 66].

Поскольку политическая реальность не есть нечто, что дано нам «позитивно», но возникает вместе с репрезентацией, то можно утверждать, что именно для этого она и нужна:

«поскольку со стороны представляемого народа нет объективно данного предложения политического действия и поскольку ожидание его существования было бы категориальной ошибкой, нам нужна репрезентация, чтобы мы имели возможность определить такие предложения. Репрезентация получает свои цель и значение благодаря неопределенному и по-разному истолковываемому характеру реальности, которая репрезентируется» [6, с. 66].

Вообще, по мнению Анкерсмита, замена единства (идентичности) представляемого на то, что его представляет, – главный момент любой политической репрезентации. Более того, именно в этом нужно усматривать пользу и функцию репрезентации:

«представления – это “имитации” реальности, позволяющие нам высказываться о реальности в их логике. Но поскольку замена реальности не сама реальность, репрезентация способна прояснить для нас определенные аспекты реальности, которые скрыты либо трудноразличимы в самой реальности, – и это одно из главных преимуществ репрезентации над реальностью или верным описанием реальности» [5, с. 193].

Политическая репрезентация перспективна и метафорична, множество возможных точек зрения и перспектив нередуцируемы, они позволяют сохранить и представить разрыв и множество, то есть одновременно хранят и политику, и демократию; «перспективы – это атомы политического универсума репрезентации» [5, с. 236]. Репрезентация предпочтительна при определении реальности и в искусстве, и в политике.

В искусстве реальность отождествляется «не с физическим бытием представленного, но с перспективами, открываемыми репрезентацией». В политике же, «политическую реальность нельзя отождествлять с гражданами, институциями и так далее, поскольку они существуют до или независимо от процессов репрезентации; только когда у граждан, институций, политических партий и всех прочих складываются представления друг о друге, они начинают воспринимать друг друга из некоторой перспективы, возникает сцена для интеракции, которую можно назвать политической реальностью». А значит «политическая реальность возникает лишь после того, как репрезентация так или иначе конституционно оформлена в нации или государстве. Следует воздать хвалу и честь представительной демократии, поскольку очевидно, что именно эта система правления наиболее успешно придает действительную конституционную форму необходимым условиям репрезентации» [5, с. 236].

Основными опасностями для эстетической политической репрезентации следует считать, по Анкерсмиту, во-первых, отсутствие механизмов разрешения конфликтов и проблем внутри каждой репрезентации (современное социальное государство всеобщего благосостояния успешно занимается решением проблем гражданского общества, но при этом оно непрозрачно для самого себя); во-вторых, все формы прямой (плебисцитарной) демократии разрушительны для репрезентации, и все обстоятельства, заменяющие выборы плебисцитом, следует избегать; в-третьих, и это самое главное, опасность гро-

зит самому «разрыву», который есть основа процедур, механизмов, на которых выстроена представительная система и которые теоретически обосновываются эстетической политической философией. В этом разломе, по Анкерсмит, возникает и существует легитимация власти, которая не принадлежит ни народу, ни правительству (суверенная легитимная власть – «между», «во взаимоотношении» народа и правительства; от идеи народного суверенитета, полезной в свое время, следует отказаться).

Кризис основополагающего механизма демократического государства-нации периода модерна – системы политической репрезентации, предполагает необходимость поиска способов его реформирования/реанимирования, либо ведет к отказу от государства-нации как политической формы, устаревшей и несоответствующей новым условиям. Глубина кризиса очевидна: его история насчитывает, если считать значимым анализ К. Шмитта, более 100 лет и прямо связана с господствующей либеральной идеологией (опять же, согласно Шмитту).

«Карл Шмитт подчёркивает, что новое мировое сообщество с вновь выстроенной системой становится совсем удалённым от единства политики. Международная мировая политика становится политической волей панинтервенционизма (= воля вторгаться в любые части мира и держать под контролем все ситуации, происходящие в нём)» [12, с. 49].

Этот кризис, как полагает Ф. Р. Анкерсмит, можно понимать в контексте фундаменталистской стоицистской традиции, господствующей в новоевропейской философии периода модерна. Но в любой из названных перспектив проблема «спасения» суверенного государства-нации опознается как одна из актуальных тем современной социально-политической философии.

Список литературы

1. Guehenno J.-M. *La Fin de la democratie*. – Paris, 1993.
2. Pocock J.G.A. *Verbalizing a Political Act // Languages and Politics / ed. By M. Shapiro*. – Oxford, 1984.
3. Taylor Ch. *A Secular Age*. – Harvard University Press, 2007.
4. Анкерсмит Ф. Р. *История и тропология. Взлет и падение метафоры*. – М.: Канон+, 2009.
5. Анкерсмит Ф. Р. *Политическая репрезентация*. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
6. Анкерсмит Ф. Р. *Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

7. Вебер М. Наука как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.
8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
9. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
10. Грачев Н. И. Политическая глобализация и государственный суверенитет // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 5. Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 20–26.
11. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004.
12. Жихарев Г. Н., Маццукки М., Ганеева Л. А., Гаврилов В. Н. «Диалоги о власти»: взгляды Карла Шмитта на генезис власти и её развитие // Ученые записки Казан. ун-та. – 2015. – Т. 157. – Кн. 6. – С. 41–51.
13. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – СПб.: Азбука-классика, 2007.
14. Макинтайр А. После добродетели. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
15. Назаренко А. Н. Индивид в перспективе социальной глобализации // Научное мнение. – 2016. – № 6–7. – С. 52–55.
16. Ролз Д. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010.
17. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – С. 93–170.
18. Шмитт К. Политическая теология. – М.: Канон-Пресс-Ц., 2000.
19. Шмитт К. Понятие политического – СПб.: Наука, 2016.

Статья поступила: 10.02.2020. Принята к печати: 25.02.2020